

Сибирь, сибиряки! Даже на географических картах эти просторы не враз выхватишь взглядом. Край особенный. Центр Азии. Величайшие реки и бесподобный Байкал. Не случайно поётся: «Славное море, священный Байкал...»

Сибирь, увиденная всего лишь из окна вагона поезда, мчащегося по Транссибу, поражает величием и зачаровывает. Можно понять восторг и преклонённые колени тех, кто путешествует по этим просторам. Тех, кто побывал в южных пределах необъятных территорий и узнал северные рубежи вплоть до побережья Ледовитого океана. Что уж говорить о величии свершений её первопроходцев и их потомков. Лучшее тому подтверждение находим в книгах о Сибири и сибиряках, как нынешних, так и более давних времён. А вот видение В. Брюсова:

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

*Снилось ты нам
с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и пеньи полдневных валов,
Южное море.*

*Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов
и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных!*

*Но нам вожатым был голос мечты!
Звоном звучали в веках её клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,
Тихий! Великий!...*

Великолепную серию летописания нашего края продвигает благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Два тома из изданных посвящено городам Зауралья – Шадринску и Кургану.

Далее обращусь к двухтомнику «Сибиряки в битве за Москву». Богатейшее издание по содержанию и исполнению на бумаге, как, впрочем, и вся серия книг.

Особенное, веское, решающее слово сыграли дивизии из-за Уральского хребта во спасение Москвы осенью 41 года да и в разгроме супостатов в продолжение всей Великой Отечественной.

Почему такой упор на определении – сибиряки? В чём же их сила, на чём она зиждется? Что питает их отвагу и способность противостоять врагу? Может быть, у них чувство боязливости перекрывается осмысленным чувством удалства, построенном на рационализме, зарождённым сибирскими просторами? А может, ответы даст сам край устами своих летописцев?

Обратимся к одному из них – Анатолию Константиновичу Омельчуку, журналисту из соседней Тюмени. Благодаря его подвижничеству и талантам зародилась «Книга Сибири» со множеством зарисовок про природу и людей. Слово *зародилась* использовал в надежде на продолжение столь необходимого проекта. А ещё незаурядное творческое начало автора и его группы представило уникальные видеозарисовки под общим названием «Сибирь – сон Бога». В них матушка Сибирь в природном наполнении, в них люди.

Сплав природы и человека создал особые свойства жителей этих территорий, которыми и отличаются они в превосходную сторону: в верности родной сторонке, неотделимой от всего Отечества, готовности бороться за её благо, невзирая ни на что. Свойства эти, конечно же, присущи подавляющему большинству сибиряков. Не случайно призывники из сибирских пределов являются предпочтительными кандидатами при наборе в пограничные войска и по сей день, продолжая славу тех, грозных сибирских дивизий под Москвой в суровом сорок первом.

Взгляните на карту ближней Сибири, на две её могучие реки, несущие воды свои с юга на север, в океан: Обь и Енисей. Произнесите истоки рек вслух. Бия – Катунь, Бий-Хем, Ка-Хем. Завораживают названия, завораживает их созвучие, судьба и жизнь поселенцев этого нашего родного необъятного пространства. Дополняют эти чувства и фильмы из серии про Сибирь, усиливая ощущения того, что завещается строкой поэта – «... храните своё вековое наследие». Действительно, наследуемое охранять и хранить необходимо и должно бережным и разумным использованием, а коли потребуется – и воинской доблестью.

Есть в сибирских просторах, её глубинке что-то сакральное, мобилизирующее разум на подвижничество. Это подчёркивают сами названия фильмов: «Формула вселенной», «Гениальная Сибирь», «Золотой запас России», «Золотая тайна Сибири», «Магический меридиан Сибири», «Чистая слеза Сибири» и ряд других, не менее впечатляющих названий. А люди, коренные сибиряки, о ком рассказывает Анатолий Константинович, – от широко известного писателя Валентина Распутина и актёра Иннокентия Смоктуновского до аборигенов Хакассии, Забайкалья, Якутии, чьи предки живут на этих землях с незапамятных времён вместе с пришедшими сюда позднее переселенцами с другой стороны Урала.

Есть у Анатолия Константиновича в повествовании о Тобольске и упоминание про Виктора Григорьевича Уткова (1913–1988), библиофила и писателя, нашего земляка из села Сычёво Варгашинского района. Интересен для Омельчука Утков как один из преданных Сибири её сынов, исследователь жизни и творчества Петра Павловича Ершова (1815–1869), автора широко известного «Конька-Горбунка». Книга Виктора Григорьевича «Гражданин Тобольска» (*с автографом, хранится в коллекции Каширинского музея*) повествует о знаменитом соотечественнике, его биографии, жизни в столичном для Западной Сибири того времени городе, о непростой судьбе его самого известного произведения.

Какими именами блистало тогда общество Тобольска! Назовём лишь несколько: семья Менделеевых (да-да, того самого!), композитор Александр Александрович Алябьев, историк Сибири и поэт Петр Андреевич Словцов, сам Ершов!

Первое отдельное издание «Конька-Горбунка» появилось в 1834 году, в Петербурге, где в университете получал дальнейшее образование знаменитый сибиряк. Взгляните на дату рождения! Невероятно, но на тот период

автору исполнилось всего-то 19 лет. Истоки – безусловно прирождённый талант, Божий дар, говорят в этих случаях, впечатления от картин народной жизни, подсмотренных и услышанных любопытным отроком.

Утков, достаточно подробно изучив биографию будущего поэта, подчёркивает значение полученных детских впечатлений при передвижениях семьи по просторам Сибири при новых назначениях отца, достаточно крупного чиновника. Петропавловск и Омск – «...они в то же время были как бы воротами России в легендарные страны юга и востока». Базары «этих ворот» со всеми красками загадочных восточных и южных соседей. Далее путешествие в Берёзов – на далёкий Север. Сплав по рекам, общение с простолюдинами, впечатления о жизни людей самых разных сословий. История родного края изучается не по книгам, «а из уст живых людей».

Утков приводит и такую фразу об атмосфере обычного чиновничьего произвола в Сибири в то время: «...Жить в Сибири холодно, да служить тепло». Насчёт тепла имелось в виду следующее: «грели» руки где только могли. Произвол чиновников безграничен. Из Берёзова – в Тобольск, город далеко не захолустный. Гимназия, учёба в которой на первых порах мало чего давала. Вот что обнаружил в отзывах о том периоде В.Г. Утков: «Большинство из учителей ограничивалось заданием уроков, не заботясь о развитии своих учеников». Вот он, страшный порок образовательного процесса.

Вскоре директором гимназии был назначен Иван Павлович Менделеев, коренной сибиряк. Его сын Дмитрий Иванович – гордость и слава русской научной мысли. Конечно, изменения в педагогической деятельности гимназии оказались более чем плодотворными. Утков также подмечает, что общение Ершова с этой старинной тобольской семьёй, в которой были сильны культурные традиции, в частности любовь к книге, оказало большое влияние на духовное и умственное развитие Петра Ершова.

От Виктора Григорьевича Уткова мы узнаём, что «...большими друзьями «Конька-Горбунка» были Менделеевы». Семьи Ершовых и Менделеевых дружили не одно поколение. Ершов мальчиком учился у Ивана Павловича Менделеева, а потом, когда вернулся в Тобольск, учил детей Менделеева, в том числе Дмитрия Ивановича, окончившего курс Тобольской гимназии в 1849 году. Дмитрий Иванович принимал самое горячее участие в судьбе бывшего учителя. После ухода в отставку в январе 1862 года Ершов жил некоторое время очень тяжело, «одними долгами и надеждами». Д.И. Менделеев помог ему выхлопотать пенсию и получить деньги за пятое издание «Конька-Горбунка».

Ещё одним центром культурного влияния по Уткову был П.А. Словцов и его окружение. Утков отмечает, что «...поэтические и прозаические опыты Ершова на темы истории стоят в несомненной связи с деятельностью Словцова».

С этим багажом знаний и впечатлений семья Ершовых устремляется в столицу, куда добился перевода её глава. Братья Ершovy поступают в университет: «Старший брат – Николай Ершов – поступил на физико-математический факультет, где вскоре проявил недюжинные способности. Пётр довольствовался лишь философско-юридическим из-за слабого знания латыни и греческого языка».

Не всё в жизни учебного заведения вызывало удовлетворение. Многие, если не большинство преподавателей, были рутинёрами и людьми малообразованными. Некоторые из них, будучи иностранцами, не владели русским языком.

История сохранила имена тех русских профессоров, кои двигали и науку, и учебный процесс должным образом. Среди них Пётр Александрович Плетнёв – профессор, литературный критик и поэт, и Александр Васильевич Никитенко – историк литературы. Они-то и оставили достойный след в судьбе Ершова.

Уже вызревал и излагался письменно первый его поэтический опыт. Детские впечатления и совершенно зрелые выводы о жизни вылились в знаменитое повествование «Конёк-Горбунок». Вот тебе и «первый блин»! Да каков! Прошли века, «Конёк...» продолжает свой бег не только по просторам российским, но и стал широко известен во многих странах мира. Не проста была его дорога к читателю.

Никому не известный автор не пользовался доверием у книгоиздателей. Первое обнародование его труда состоялось с трибуны университета из уст преподававшего Петра Александровича Плетнёва. На одном из занятий он вместо лекции прочёл сказку сидевшего в этой же аудитории студента Петра Ершова. Вскоре она была опубликована.

Творение молодого поэта было замечено Пушкиным! От современников Александра Сергеевича сохранилась фраза: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Что может быть выше этой оценки?

Издаваемый авторский текст оказался кое в чём укорочен цензорами из-за известных сюжетов, порождающих нежелательные параллели. Необычайная популярность «Конька...» и прямолинейность отдельных эпизодов сыграли злую шутку с автором, для которого издание сказки было звёздным часом в творческой биографии и могло весома сказаться ещё и на улучшении собственного материального положения. Нежелание сгладить в угоду цензорам текст сказки предопределило её недопущение в печать на долгие годы.

Следует отметить, что ещё в студенческие лета семья Ершовых лишилась главы семьи. Скончался отец, а значит, добывать хлеб насущный надо было самим. Поэтому-то у Петра большие надежды были на литературную деятельность, на деньги от печатаемых произведений, и на главное из них – сказку «Конёк-Горбунок». После скоропостижной и неожиданной смерти старшего брата Петербург стал и вовсе непривлекательным, чуждым городом. Домой, на родину, в Тобольск... Теперь Ершов до конца своих дней свяжет судьбу с ним.

Не только след литератора оставлен Ершовым на просторах Сибири. Значительны его труды в деле просвещения: он преподаватель, инспектор Тобольской гимназии, директор училищ Тобольской губернии. Утков подчёркивает: «В Кургане, Ишиме и Тюмени Ершов открывает женские школы, создаёт школьные библиотеки, проводит показательные занятия для молодых учителей».

Увы, столь любезный Отечеству гражданин так и не был по достоинству оценён за талант и подвижничество. Вслед за великим китайцем Ду-Фу мог бы он воскликнуть: «Мечты мои убиты нищетою». Многие замыслы и мечтания Ершова остались за той гранью. Он продолжал профессионально заниматься литературным трудом, но ничего подобного по значимости с успехом «Конька...» из-под его пера уже не вышло.

Несколько лет литературного труда посвятил В.Г. Утков Ершову. В созданном при его непосредственном участии «Альманахе библиофила» публиковались материалы и о других знаменитых сибиряках. «Сибиряда» от Уткова несла читателям затуманенные временем имена, связанные с ними события, воскрешая тем самым мало известные или вовсе забытые

страницы нашей истории. «Повесть о сыне двух веков, сибирском жителе Петре Андреевиче Слобцове – современнике четырёх российских императоров» – работа, выполненная Утковым на исходе жизни. Читателям представлена только первая часть этого повествования. Повесть осталась незавершённой: смерть исследователя оборвала начатое. Подготовила к печати текст повести дочь – Ольга Уткова-Устинова.

Личность П.А. Слобцова и свершаемое им до такой степени незаурядны, что, опираясь на исследования Уткова, стоит подробнее рассказать об этом человеке. Начинает Утков своё повествование следующими словами: «Петра Андреевича Слобцова всю жизнь преследовали неудачи, коварные, неожиданные, порой очень жестокие. Год за годом, по мере мужания, жизнь его всё больше походила на поверхность бурного моря, где гуляют крутые валы. Он то поднимался, казалось, на недостижимую высоту, о которой даже и не мечтал, то скатывался вниз, почти в безвестность, на уровень ничтожества...» А далее Утков подчёркивает: «Пётр Слобцов жил, следуя древней, никогда не умирающей истине – сгорая, светить людям».

Родился Слобцов в многодетной семье священника из уральской глубинки. Нужда и бедность – с младенчества. Умение читать и писать – от отца, а далее самообразование по имеющимся книгам. Дальнейший путь предопределён, казалось бы, самой судьбой. Сын священника должен продолжить стезю отца. По исполнении двенадцати лет Петю определяют в единственную семинарию на всю огромную территорию – в Тобольск. Памятливый и старательный к учёбе, Пётр быстро был замечен семинарским начальством как подающий большие надежды ученик. В семинарии была приличная библиотека, в которой кроме духовной литературы была и светская. Слобцов всё свободное время просиживал за чтением книг. В целом же атмосфера в семинарии и взаимоотношения между учащимися мало отличаются от тех, что будут изложены Помяловским «В очерках бурсы».

Начитанность и природный ум Слобцова привели его к преподавательской деятельности в младших классах. Проявились его способности и к стихосложению, что тоже стало отличительной чертой семинариста. По окончании курса Тобольской семинарии Слобцов и один из его товарищей были затребованы как лучшие ученики для продолжения образования в главную семинарию Александро-Невской лавры, ставшую впоследствии духовной академией.

Более широкие возможности саморазвития и получения знаний во многих науках Слобцов использовал максимально. Вернулся он в Тобольск изрядно образованным, думающим и размышляющим о превратностях жизни молодым человеком. Вопреки пожеланиям церковного начальства он не принял духовного сана и остался светским человеком. Таланты Слобцова позволяли ему не только преподавать в семинарии, но и во время церковных служб проповедовать в храме. Стали эти проповеди первым грозным порогом в спокойном течении жизни молодого человека, имевшего совершенно отличные от официозного представления о добре и зле. В подтверждение приведём несколько цитат из выявленных В.Г. Утковым.

Из проповеди Слобцова по случаю именин императрицы Екатерины Второй в апреле 1793 года: «Слобцов, рассуждая о том, кого из людей следует именовать великими, вопрошает: «Разве суеверное обоготворение истукана довольно, чтобы сделать его божеством? Но оне носят на себе преимущества и отличия? Эх! Мне кажется, что сии звёзды и кресты суть искусственные насечки, доказывающие только то, что мы имеем художества...».

В следующей проповеди он размышляет «о признаках народного счастья»: «Тишина народная есть молчание принуждённое, продолжающееся дотолы, пока неудовольствие, постепенно раздражая общественное терпение, наконец не прервёт оно. Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов или одне несчастья – то там спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина...».

Насколько размышления Словцова сохранили своё значение по прошествии веков – судить читателям.

Конечно же, копии сказанного легли на стол императрицы. «Бунтовщик хуже Радищева» – якобы её вердикт. Сначала заточение в Петропавловской крепости, а затем Валаамов монастырь на Ладожском озере. Из неволи прорвалось стихотворение Словцова, в одной из строк вся его суть: «...добродетель честь всего превыше ставил». Грозило ему насильственное пострижение в монахи.

Освобождение пришло неожиданно: скончалась Екатерина, а Павел амнистировал многих, ущемлённых матушкой. Более того, Словцов как зарекомендовавший себя интеллектual по повелению монарха привлечён к гражданской службе в Министерство коммерции, и успешно продвигается по карьерной лестнице. С министерских высот опять падение, снова опала, уже при Александре Первом. Повеление – отправиться на службу в Сибирь. И там взлёты и падения на служебной лестнице. Словцов, не имея постоянных должностных полномочий при дворе губернатора, много путешествует с заданиями разного свойства, изучая всесторонне доселе мало изученный край – Сибирь и Западную и Восточную.

В.Г. Утков, исследовав его маршруты и перечень мест, где побывал Словцов, замечает, что и при сегодняшних возможностях к передвижению подобное не каждому по плечу. В копилке Словцова набирается значительный материал об удивительном заповедном крае – Сибири, его этнографии, природных условиях, богатствах. Уточняются географические карты. Создаются проекты экономического устройства, путей сообщения различных уголков для связи воедино, подмечаются недостатки предпринимательства у населения и так далее, и тому подобное. Многие из увиденного заносится на бумагу и печатается в виде статей и репортажей, издаются книги. В одной из них приводятся рассуждения о необходимости бережного обращения с лесами в лесостепной зоне, без которых сельское хозяйство, земледелие станут хиреть.

Сегодня, когда значительные площади таёжных лесов «выбриты», как не обратить внимание на эти предостережения из глубины веков? Итогом многолетних наблюдений Петра Андреевича явился внушительный фолиант – «Историческое обозрение Сибири».

Буквально несколько строчек посвятил Словцову Советский Энциклопедический словарь – М., 1980 г. Цитируем: «Словцов Пётр Андреевич (1767–1843), русский историк, публицист, основоположник буржуазной историографии России. Труд – «Историческое обозрение Сибири» (тт. 1–2)».

Интересно услышать мнение учёных о Словцове сегодня, спустя истёкшие десятилетия, когда кое-какие идеологические термины становятся несостоятельными.

Закончил свой жизненный путь Пётр Андреевич Словоцов в Тобольске, в чине действительного статского советника, по табели о рангах – гражданский генерал.

Утков подчёркивает интерес к Словоцову поздних исследователей, о нём опубликовано несколько десятков работ. Многие и многие имена воскрешает он в ходе своих исследований, значительная часть из них – сибиряки. Наш современник, к тому же земляк – Виктор Григорьевич Утков не особо известен у нас и как писатель, и как учёный библиофил. Это несправедливо.

Некоторые сведения о земляке приведу из его писем, адресованных Дмитрию Андриановичу Белоусову, моему отцу.

30 марта 1985 г.: *«Из Сычёво меня увезли родители младенцем, но потом я бывал и в Кургане, и в области, мальчиком приезжал на лето в деревню Золотое, где жил мой дядя Григ. Григ. Утков, дядя Гриня, как мы звали его, чтобы отличить от моего отца – тоже Григория Григорьевича. Воспоминания у меня остались самые светлые».*

21 октября 1985 г.: *«Мне не пришлось побывать на фронте. В статье Янко ошибка: сказано, что я «был участником Отечественной войны». В армии я пробыл всю войну, но на фронте не пришлось быть. Подал на второй день заявление добровольцем, ранее я не служил в армии по здоровью, в июле был мобилизован и отправлен на Дальний Восток, в Приморье. И стал я необученным солдатом, а потом сержантом, командиром стрелкового отделения. Было, конечно, нелегко, но какое сравнение может быть с фронтом!.. А отделение моё было замечательное – морячки, ребята что надо!... До сих пор их вспоминаю. А в конце 1943 года направили меня в танковое училище, на Волгу, которое я окончил в мае 1945 года, получив офицерское звание – мл. техник-лейтенант, помпотех танковой роты. В декабре демобилизовали по здоровью... С тех пор я работаю в печати, как и до войны».*

8 ноября 1985 г.: *«...У меня есть недостаток: я человек конкретных знаний, когда я их не имею, мне трудно не только оценивать что-либо, но порой даже понимать то или иное явление, событие».*

Ещё одна из книг Уткова, на которую обращаю внимание – «Предвестники, связь времён», Москва, «Мысль», 1982 г. Все события в повествовании связаны с Сибирью, от Радищева до освоения Экибастуза. Имена, имена, имена из золотой копилки Сибириады... Дарственная надпись от автора: *«Дорогие, бесценные земляки мои, собиратели Каширинского литературно-краеведческого музея – примите от меня эту книгу об энтузиастах культуры и науки, борцах за светлое будущее. В. Утков. 21.04.85 г., г. Москва».*

Храним мы и несколько выпусков «Альманаха библиофила». Последний из известных нам материалов – «Повесть о сыне двух веков», опубликован в № 28 за 1993 год, спустя пять лет после кончины земляка. Каждый эпизод из публикаций Уткова снабжён ссылками на первоисточник, что подтверждает его огромную исследовательскую работу при написании своих произведений.

Снова обращусь к Анатолию Омельчуку, его всеобъемлющей формуле «Сибирь – сон Бога». Хочется надеяться и верить, что предопределение Сибири в нашей ближайшей истории станет совсем не таким, как его определяли в недавнем прошлом: Сибирь – колония России. Не останется напрасной деятельность её верных сынов, «борцов за светлое будущее», о которых узнаём от не менее продвинутых современников и их предшественников! Станет полноценно прирастать могущество России Сибирью!